

5. Петрова Л.П. Власне ім'я як засіб інтелектуалізації поетичного мовлення (на матеріалі поезій Ліни Костенко): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10. 02. 01 "Українська мова" / Л.П. Петрова. – Харків, 2003. – 18 с.
6. Поліщук Я.О. Присутність відсутності, або Проблема читача Лесі Українки / Я.О. Поліщук // *Леся Українка і національна ідея*. Зб. наук. праць. – Київ, 1997. – 126 с.
7. Смирнова Г.Ю. Через художні образи – до філософського осмислення категорії Бога (релігійні сюжети Лесі Українки) / Г.Ю. Смирнова // *Вісник НАН України*. – 2001. – № 7. – С. 48-54.
8. Ткаченко О.Б. "Іноземний світ" Лесі Українки / О.Б. Ткаченко // *Культура слова*. – 1990. – Вип. 39. – С. 10-20.
9. Українка Леся. Зібрання творів у 12 т. / Леся Українка. – Київ, 1975-1979.

УДК 81.367.623

ПРЕЦЕДЕНТНА СИТУАЦІЯ В СИСТЕМІ ЗАСОБІВ СЕМАНТИЧНОЇ ІДЕНТИФІКАЦІЇ МІФЕМИ

Азарова В.О., аспірант

Філія МДУ імені М.В.Ломоносова, Україна

У статті розглядається семантична спадкоємність між прецедентним ім'ям (ПІ) і мовним репрезентантом міфу (міфемою). Описується роль прецедентної ситуації (ПС) у формуванні семантичної структури міфем, утворених на основі ПІ політичних діячів.

Ключові слова: міфема, прецедентне ім'я, семантична структура.

Азарова В.А. ПРЕЦЕДЕНТНАЯ СИТУАЦИЯ В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ МИФЕМЫ / Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова, Украина.

В статье рассматривается семантическая преемственность между прецедентным именем (ПИ) и языковым репрезентантом мифа (мифемой). Описывается роль прецедентной ситуации (ПС) в формировании семантической структуры мифем, образованных на основе ПИ политических деятелей.

Ключевые слова: мифема, прецедентное имя, семантическая структура.

Azarova V. PRECEDENT SITUATION IN THE CASE OF SEMANTIC IDENTIFICATION MYTHEMAS / Department of the Moscow State University of M.V. Lomonosov, Ukraine.

The article deals with the semantic consistency between the precedent name (PN) and the language of myth representant (mythema). It describes the role of precedent situation (PS) in the formation of semantic structure mythemas, that formed on the basis of PN politicians.

Key words: precedent name, mythema, semantic structure.

Актуальность. Социокультурное направление в исследовании мифа (Э. Дюркгейм, Э. Кассирер, А.Ф. Лосев, Б. Малиновский, Ф. Ницше, М. Хайдеггер) рассматривает миф как необходимую реакцию коллективного сознания на социальные потребности в совместных действиях: преодоление страха, неуверенности, смягчение стрессов, невозможность справиться с абсурдностью ситуации, потребность в образце для подражания. Ю.Ю. Петрунин утверждает, что современный социальный миф, рожденный противоречиями повседневной жизни и являющийся своеобразной формой их разрешения, тесно связан с идеологией, которая использует организующе-нормативный аспект мифологического сознания [8].

В основе мифа лежит особый тип освоения человеком мира — мифологическое сознание. Мифологическое мышление создает и предлагает спасительные образы, которые не являются ни истинными, ни ложными, но которые объясняют то, что не объясняет логика.

Мифу присущ специфический язык, в котором закреплены уникальные, своеобразные, нестандартные смысловые связи, так что человек, принявший и усвоивший этот язык, тем самым принимает общую идеологию, культуру, социальные ожидания и конвенции. Поскольку современный миф, как и мифы античности, использует имена в качестве сублогического обобщения, он конструирует прагматически деятельные вербальные знаки на основе имен, состояний, действий, атрибутов реального мира. Миф

считается вторичной семиотической системой (Р.Барт, Л.В. Валеева, К.Леви-Строс, Е.М. Мелетинский, Ю.Ю. Петрунин, Е.И. Шейгал и др.), и в современной научной литературе отражены разные точки зрения на единицу этой системы.

Е.И. Шейгал считает, что “знаком этой системы является мифологема. Отличительным признаком мифологема является фантомный денотат – либо несуществующий, либо настолько неясный и размытый, оторванный от реальной действительности, что это создает простор для работы ложного сознания” [11].

Л.В. Валеева, рассматривая проблему метаязыка семиотики мифа, отмечает, что “с одной стороны, мифологему считают знаком мифа и объявляют вербальным носителем мифа. С другой стороны, это образное сознание, воплощенное в понятие-образы и реализуемое в системе символов. Миф является целостной когнитивной структурой и должен быть представлен языковым знаком, объединяющим лингвистические и паралингвистические теории мифа” [3, 223-224]. Л.В. Валеева семиотической репрезентацией мифа в языке определяет мифему, которая может объединить элементы языка различной структуры сложности, которая детерминирует множественность вариантов интерпретации в соответствии с характеристиками дискурса и способностями языковой личности.

В данной статье мы считаем мифему единицей языковой системы мифа и рассматриваем особенности ее значения с позиции семантической преемственности между мифемой и прецедентным именем (ПИ).

Цель настоящего исследования — выявить и описать роль прецедентной ситуации (ПС) в формировании семантической структуры мифем, образованных на основе ПИ политических деятелей. В своей работе мы будем опираться на научную концепцию прецедентного имени проф. В.В. Красных.

Теоретики прецедентности (Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, Ю.Караулов, В.В. Красных) определяют ПИ как индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом (например, *Печорин*, *Теркин*) или с прецедентной ситуацией (например, *Иван Сусанин*, *Стаханов*). Это своего рода сложный знак, при употреблении которого в условиях коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (в другой терминологии — референту), а к набору дифференциальных признаков данного ПИ. ПИ может состоять из одного (например, *Ломоносов*, *Кутузов*) или более элементов (например, *Павлик Морозов*, *Баба Яга*), обозначая при этом одно понятие [6, 174].

Форма хранения в когнитивной базе прецедентного имени (прецедентного высказывания) отличается от формы хранения прецедентного текста. Как показывают исследования И.В. Захаренко, Д.Б. Гудкова, В.В. Красных, в когнитивной базе хранится сам вербальный феномен, а также то, что за ним стоит и что, собственно, и делает его прецедентным, – совокупность дифференциальных признаков и атрибутов. Дифференциальные признаки составляют некую сложную систему определенных характеристик, отличающих данный предмет от ему подобных. О.Г. Ревзина пишет о специфике ПИ: “Собственное имя может содержать такой набор семантических признаков, которые не имеют внутренней логической связи между собой и существуют благодаря одной уникальной реализации в конкретном лице или месте” [9, 60].

Рассмотрим структуру ПИ, изложенную В.В. Красных. Структура инварианта ПИ включает три компонента: 1. ядро, в которое входят дифференциальные признаки (внешность, характер и прецедентная ситуация); 2. атрибуты; 3. потенциально возможные индивидуальные представления и знания о ПИ [6, 198].

Рассмотрим элементы семантической структуры мифемы, исходя из специфики структурирования информации и особенностей ее декодирования с помощью языкового знака мифа.

В современном мире миф – это виртуальное, выдуманное, нереальное явление. Миф является утешением и поддержкой и одновременно инструментом воздействия на адресатов. Все существующие концепции мифа и мифологического познания утверждают смысловое противоборство вымысла и реальности и осознания вымысла как субъективной реальности. Таким образом, можно говорить об отсутствии в семантической структуре бытийного денотата, представляющего материальный мир и наличии мифологического компонента.

Анализ существующих в научной литературе описаний и классификаций функций мифа (Х.Кафтанджиев, В.Найдыш, А.Ульяновский и др.) показал, что помимо отсутствия в семантической структуре мифемы бытийного денотата, представляющего материальный мир, в семантическом инварианте мифемы имеют место следующие изменения:

- 1) дифференциальные признаки (внешность и характер) теряют свою прежнюю актуальность, переходят в зону периферии, становясь атрибутами. Их место занимает мифологический компонент, героизирующий (с полярной шкалой от спасителя до злодея) номинацию через прецедентную ситуацию путем внесения элемента полуправды-полулжи, необъяснимого с точки зрения логики;
- 2) прецедентная ситуация трансформируется в социокультурную;
- 3) потенциально возможные знания, находящиеся в семантической структуре ПИ на периферии, в семантической структуре мифемы становятся коллективными и составляют ядерную сему.

Поясним представленную характеристику семантической структуры мифемы.

В теории прецедентности под прецедентной ситуацией понимается — “некая ‘эталонная’, ‘идеальная’ ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу” [6,183]. Когнитивная база (КБ) — определенным образом структурированная совокупность необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингвокультурного сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета [6,61].

Означающим ПС могут быть прецедентное высказывание или прецедентное имя (например, *Ходынка*, *Смутное время*) или не прецедентный феномен (яблоко, соблазнение, познание, изгнание — как атрибуты одной ситуации), связанные с исходным понятием [7].

Любая ПС (согласно теории прецедентности) предполагает нейтральную фиксацию ситуации, имевшую место при жизни героя, как правило, при поддержке атрибутов и типической оценки.

Мифема же включает в себя семы, функционирующие в рамках шкалы правда – вымысел от границы периферии правды и до точки вымысла. На этой шкале ПИ становится мифемой, когда семы перестают быть носителями информации о реальных событиях и модифицируются в результате социально-субъективной интерпретации. Мы можем говорить о возникновении измененной семной структуры, в которой теряется связь с фактической и объективированной ПС. ПС перестает быть ориентированной на прототипический контекст. Существенные изменения в семантической структуре ПИ преобразуют языковую единицу в качественно новую, представляющую непротиворечивую, объективно не мотивированную, “гуттаперчевую” реальность.

Новая единица включает, как и исходное ПИ, атрибуты, выполняющие аксиологическую и компенсаторную (стремление быть героем) функции. ПИ от мифемы отличает оценочная шкала: у мифемы диапазон оценки более широкий, нет единого инварианта восприятия, хранящегося в когнитивной базе.

Потенциально возможные знания, которые в семантической структуре ПИ находятся на периферии, в мифеме становятся расширенными, коллективными, эмоционально, а не рационально привлекательными и представляют ядерную сему.

Когнитивная характеристика кодирования информации с помощью мифемы и прецедентного имени указывают на отношения преемственности, проявляющиеся в структуре исходной единицы (ПИ) и производной (мифемы).

Рассмотрим сему ПС в структуре номинаций, определяемых современной лингвистикой как ПИ. Одними из активно используемых ПИ начала XXI века на постсоветском пространстве является имя *Брежнев*.

С именем Брежнева связано несколько ПС: смещение Хрущева с должности генсека, эпоха “застоя”, советская “сверхдержава”, участие СССР в афганской войне. Например, ПС “советская сверхдержава” в качестве составляющей ПИ *Брежнев* обозначена в БСЭ:

Брежнев Леонид Ильич — с первых дней Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—45 Л.И. Брежнев в действующей армии вёл большую организаторскую и политическую работу (...). Участвовал в боевых операциях Советской Армии на Кавказе, в Причерноморье, в Крыму, на Украине, а также в боях за освобождение народов Чехословакии, Польши, Венгрии. После окончания Великой Отечественной войны партия направляет Л.И. Брежнева на руководящую работу по восстановлению народного хозяйства (...) При самом непосредственном участии Л.И. Брежнева, были разработаны и осуществлены важнейшие меры по развитию ленинских норм партийного и государственного строительства, утверждению принципов

коллективности в работе, улучшению руководства народным хозяйством, дальнейшему росту экономики страны, подъёму благосостояния и культуры трудящихся, укреплению дружбы народов, усилению оборонной мощи Советского государства [1].

В современном историческом словаре отмечены ПС “бюрократия”, “афганская авантюра”, “коррупция: Брежнев, Леонид Ильич — глава КПСС после смещения Хрущева в октябре-ноябре 1964 (...) Он сделал карьеру в партии, служил высоким политработником на фронтах Отечественной Войны. Он оказался в опале после смерти Сталина, был понижен в чине, но примазался к Хрущеву и был награжден избранием в ЦК в 1956 году. Осенью 1964 года Брежнев предал своего шефа Хрущева и сам занял главное место в партии. Правление Брежнева отличалось отчаянными попытками бюрократии остановить историю. В 1968 году во время вторжения в Чехословакию Брежнев провозгласил так называемую “доктрину Брежнева”, согласно которой Советский Союз имеет право вмешиваться в дела других “социалистических” стран для защиты “социализма”.

В декабре 1979 года Брежнев послал советские войска на афганистанскую авантюру. Внутри страны эти годы были эпохой застоя в хозяйстве и повальной коррупции на верхах общества. Маразматическое поведение Брежнева в последние годы жизни веселило советский народ. Брежнев засыпал на заседаниях даже скорее и чаще, чем Президент США Рейган (<http://mirslovarei.com/contenthis/brezhnev-leonid-ilich-38330.html>).

Из приведенных словарных статей видно, что Советская энциклопедия представляет Брежнева как героя и включает в словарную статью только те ПС, которые позволяют сформировать в сознании положительный облик исторического лица. Современный исторический словарь же описывает смешного, “маразматического” персонажа анекдотов, в деятельности которого не было ничего положительного.

В двух предыдущих контекстах мы наблюдаем антропоним *Брежнев*, функционирующий как ПИ. Приведем в пример опубликованные в прессе воспоминания личного фотографа Л.И. Брежнева, где связь с реально имевшей место прототипической ситуацией нарушается. Имя *Брежнев* демонстрирует двойственность восприятия как свидетельство его мифологизации:

О Генсеке принято вспоминать как о любителе наград и крепких поцелуев, эдаком шамкающем анекдотичном персонаже с пышными бровями (помните шуточный рекламный слоган “Водка “Брежнев” — приди домой на бровях!”?). Но ближайшее окружение Леонида Ильича видело его совсем в другом ракурсе (...). К подчиненным Леонид Ильич привязывался, но кичливости или барства себе не позволял. (...) Народ потешался в анекдотах над его нечетким произношением. Но мало кто знал, что это последствия ранения на фронте, когда осколком снаряда Леониду Ильичу выбило челюсть. Любил еще пошутить по поводу своих речей. Когда ему их готовили, просил вычеркнуть цитаты Маркса и Ленина. “Подумают, что я еще их читал”, — в шутку говорил Леонид Ильич, хотя сам был очень грамотным человеком, обожал поэзию и сам в молодости писал стихи. С работы Леонид Ильич всегда приезжал к программе “Время”, которую они смотрели вместе с Викторией Петровной. Иногда она, увидев очередное выступление мужа, говорила: “Леня, пора тебе уходить. Ты плохо говоришь, плохо ходишь, ты уже отработал”. Он как-то ответил ей, что просил товарищей отпустить его на пенсию, но те хором стали его отговаривать: можете ничего не делать, мы все сделаем за вас, только не уходите. Грубо говоря, его просто подставляли. Старики боялись смены власти, боялись, что новый генсек их выгонит (“Факты” 9 октября, 2011г.).

В семной структуре рассматриваемого имени отмечены полярные семы “глава сверхдержавы”, “лидер застойной эпохи”. Для языковой личности, воспринимающей такие контексты, очевидна иррациональность семантики имени *Брежнев*.

Для того чтобы интерпретировать имя, языковая личность обращается к актуализированным в данный момент знаниям и к ассоциациям, смоделированным социальными институтами, то есть к потенциально возможным знаниям, которые в семантической структуре ПИ находятся на периферии. Таким образом, в языке мы фиксируем мифему *Брежнев*, реализующую мифологемы *Брежнев — лидер сверхдержавы* и *Брежнев — простоватый, беспомощный старик*. Например:

Нынешние обыватели связывают с брежневскими временами лишь смехотворно низкие цены на продукты первой необходимости, забывая порой, что их нужно было добывать, как тогда говорили, из-под прилавка. Зато для историков тема брежневской эпохи до сих пор полна загадок, дающих повод для исследования: был он дальновидным политиком или человеком недалеким, веселым и добрым или же беспомощным и сумасшедшим? Некоторые историки, например, до сих пор задаются вопросом: являлся ли дряхлый старик с

двумя сотнями орденов тем же Брежневым, который снял Хрущева, возглавив переворот 1964 года, или его после клинической смерти в середине 70-х годов заменили двойником? (“Факты” 12 ноября, 2002г.).

В данном высказывании мы наблюдаем мифему, реализующую героизированное имя *Брежнев* с новой ПС *смехотворные цены на продукты, которые нужно добывать из-под прилавка*, никак не связанной с ПС, сопутствующей ПИ *Брежнев*, “сверхдержава”. Для семантической структуры мифемы, как мы видим, дифференциальные признаки (внешность и характер) не актуальны.

Приведем пример контекста, в котором мифема *Брежнев* демонстрирует рационализацию мифологической системы, при которой деяния исторической личности рассматриваются как мифологический прототип, актуализирующий и задающий современные модели социального поведения: *Конечно, в тотальной пропагандистской кампании, направленной на унижение и уничтожение советского прошлого, деятельность Хрущёва, Андропова и Горбачёва, этих “священных коров” отечественного либерализма, как правило, обходится фигурой умолчания. Зато Ленину, Сталину и Брежневу “достается” по полной программе. Кажется, нет такого преступления перед Богом и людьми, в котором бы их не обвиняли прямо или хотя бы подозревали. Еще бы, ведь из 74 лет советской власти они “на троих” руководили партией и страной целых 54 года!*

И если не они — “главные преступники преступного режима”, то кто же еще?! Современное российское телевидение может служить наглядной иллюстрацией геббельсовской максимы: “Клеветайте, клеветайте, клеветайте как можно больше — что-нибудь да останется!” Главный удар, как всегда, наносится по “отцу народов” Иосифу Виссарионовичу Сталину, но и Леонида Ильича Брежнева пропагандисты “рыночных реформ” и “общечеловеческих ценностей” своим вниманием не обходят. Чего стоят бесчисленные показы Брежнева на охоте, Брежнева, выпивающего на банкетах, Брежнева, невнятно и медленно зачитывающего текст речи на XXVI съезде КПСС. Брежнева, принимающего очередные советские или зарубежные награды (<http://www.vvkure.com/planeta/index>).

Анализ представленных контекстов показывает, что антропоним *Брежнев* может функционировать и как ПИ, и как мифема. Ключевую роль в переходе антропонима от ПИ к мифеме, наряду с мифологическим компонентом и коллективными представлениями, играет прецедентная ситуация, трансформирующаяся в социокультурную.

Таким образом, одним из способов языковой репрезентации мифа является мифема, образовавшаяся на базе прецедентных имен политических деятелей. Мифема имеет семантическую структуру, отличную от семантической структуры ПИ. Средствами семантической идентификации мифемы являются социокультурная ситуация (трансформированная из прецедентной), мифологический компонент и коллективные интерпретированные представления.

ЛИТЕРАТУРА

1. БСЭ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [<http://bse.sci-lib.com/particle026611.html>]
2. Валеева Л.В. Мифема как средство организации дискурса / Л.В. Валеева // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках: материалы V Международной научной конференции 7-8 апреля 2011. – Днепропетровск: “Нова ідеологія”, 2011. – С. 46-48.
3. Валеева Л.В. Семиотическая модель мифа в языке / Л.В. Валеева // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия “Филология. Социальные коммуникации”. Том 24(63), №1, часть 1. – Симферополь: “ТНУ имени В.И. Вернадского”, 2011. – С. 220-224.
4. Кассирер Э. Техника современных политических мифов / Э. Кассирер // Антология культурологической мысли. – М.: “Изд-во РОУ”, 1996. – С.204-209.
5. Кафтаджи́ев Х. Герои и красавицы в рекламе / Х. Кафтаджи́ев. – СПб: Питер, 2008. – 223с.
6. Красных В.В. “Свой” среди “чужих”: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
7. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации [Электронный ресурс] / Е.А. Нахимова // Прецедентные имена в массовой коммуникации. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/nakhimova-07a.htm>

8. Петрунин Ю.Ю. Миф [Электронный ресурс] / Ю.Ю. Петрунин // Фонд знаний “Ломоносов”. – Режим доступа: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0136577>
9. Ревзина О.Г. О соотношении языка и дискурса / О.Г.Ревзина // Функциональная семантика языка, семиотика знаковых систем и методы их изучения: Международная конференция. Тезисы докладов. 22-24 апреля 1997. – М., 1997. – Ч. I. – С. 69-71.
10. Российский гуманитарный словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/>
11. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса [Электронный ресурс] / Е.И. Шейгал // Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/56756/>

УДК 811.161.2'373.7

ФРАЗЕОЛОГІЗМИ ІЗ ЗНАЧЕННЯМ НЕРОБСТВА (ЛОГІКО-КОГНІТИВНИЙ АСПЕКТ)

Артеменко Г.С., аспірантка

Чернівецький національний університет імені Юрія Федьковича

У статті виконано логіко-когнітивний аналіз фразеологізмів із семантикою бездіяльності, неробства, марнування часу; простежено основні моделі формування таких фразеологізмів на основі взаємозв'язків між сферою-джерелом та сферою-мішенню виразів; з'ясовано стереотипні уявлення українців про людину ліниву.
Ключові слова: логіко-когнітивна модель, стереотип, фразеологізм із семантикою неробства, сфера-джерело, сфера-мішень.

Artemenko G.S. PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A SEMANTIC OF IDLENESS (LOGICAL AND COGNITIVE ASPECTS) / Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University, Ukraine.

В статті представлено логіко-когнітивний аналіз фразеологізмів з семантикою бездіяльності, трата часу; простежені основні моделі формування таких фразеологізмів на основі взаємозв'язку між сферою-джерелом та сферою-мішенню фразеологізмів, виявлено стереотипні уявлення українців про людину ліниву.

Ключевые слова: логико-когнитивная модель, стереотип, фразеологизм с семантикой безделья, сфера-источник, сфера-мишень.

Artemenko G.S. PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A SEMANTIC OF IDLENESS (LOGICAL AND COGNITIVE ASPECTS) / Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University, Ukraine.

The article presents the logical-cognitive analysis of idioms with semantics of inactivity, idleness, waste of time, traced the basic model of such idioms based on the relationship between source domain and target domain of phraseological units, found Ukrainian stereotypes about lazy people.

Key words: logical-cognitive model, stereotype, idiom with semantics of idleness, source domain target domain.

Людина сприймає та аналізує навколишній світ не бездумно чи хаотично, а раціонально, виважено, послідовно. Однак пізнання дійсності не обмежується лише логічними законами та правилами, а дуже часто відбувається на рівні чуттів, вражень, емоцій. Тому мовне позначення реалій, які нас оточують, неоднозначне – номінація може бути як прямою, логічною, так і образною, а іноді цілком алогічною.

Проблеми пізнання світу у їх нерозривному зв'язку із мовою завжди привертала увагу науковців, однак усе більш актуальним у цьому аспекті постає дослідження особливостей фразеологічної номінації, при якій певна ситуація чи явище дійсності крім прямої однослівної назви отримує ще й багатослівне образне фразеологічне найменування. Слова поєднуються у межах одного фразеологізму не за допомогою звичайної лексичної сполучуваності, але й не хаотично. Мотивувальною ознакою, що пов'язує зміст і форму фразеологічних одиниць, є внутрішня форма, і вона виступає засобом перетворення семантики мовного знака в саме такий, а не інакший фразеологізм.

Б. Плотников поняття внутрішньої форми у фразеологізмах пояснює як особливу метафоричну образність й експресивність мовного вираження повторюваних типових фактів, явищ, подій, ситуацій [2, с. 16]. Актуальність дослідження фразеології як уособлення культурних, етнічних, ментальних стереотипів безсумнівна, оскільки “фразеологізми як номінативні одиниці мови є продуктом культурно-